

Анатолий Парпара

Мы позабыли зовы рая...

Бессонница

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...
М. Лермонтов
В ночи, воспетой русским офицером,
Давно уж нет покойной тишины...
Летят ракеты – внуки Люцифера,
Предвестницы безжалостной войны.

И вспарывают небо, как кинжалы,
Сверхзвуковые лезвия беды...
Шторма, землетрясения, провалы,
Цунами и кислотные дожди...

Естественно: земля не рай небесный
И человечество – не ангелы в раю.
Но безнаказанно терзают душу бесы
И в брате брата я не узнаю.

Неужто наши мерзки прегрешенья
И на мученья мы осуждены
И даже нет надежды искупленья
Своей, чужой и прадедов вины?..

Всю ночь не сплю. Гащу в душе тревогу,
И призываю Божью Благодать.
Я так хочу внимать безгласно Богу,
Как только могут ангелы внимать!

Любови

То ли явь, то ли сон, но крошечная мгла:
Надо мною кружило исчадие зла.

Ни просвета вокруг. Истощён и ослаб,
Я лежал без движения,
как пойманый раб.

И проникла в меня безнадежность – змея.
И немилый была мне родная земля...

Как нашла эту форточку,
чтобы влететь?
Неужели открытой оставила смерть?

Как нашла в этой мгле еле бьющую боль,
Как проникла в меня
животворно Любовь!

Только чувствовал я нарастание сил –
Видно, ангел у Бога меня отмолил.

И живу я в заботах до Судного дня,
Ибо ангел Любви охраняет меня.

Вид на Кунцево

Бери, художник, кисть и наноси
На полотно отрадную картину:
На первый план – летящую машину –
Что хочешь: грузовик или такси.
А под её колеса положи
Мазками точными бетонную дорогу,
Которая уходит понемногу
Куда-то в даль, свершая выражи.
Теперь вот эту землю насели
Проходимы, спешащими куда-то,
Берёзами, которые крылаты, –
Вот-вот взлетят, как голуби, с земли.

А в глубине картины проведи
Два-три штриха.
Твои прикосновенья
Пусть обозначат лёгкие строения
С жасминными кустами впереди.
И чтоб цвета оттенки обрели,
Сумей скрестить три световых потока:
Один – с небес,
Издали-далека – другой,
А третий – бьющий от земли.

Памяти

Владимира Соколова

Сорок лет нашей дружбы промчалось –
Были в них лучезарные дни!
На любви эти дни настоялись,
Настоялись на правде они.

В табуне этих дней незабвенных
Столько солнечных было коней –
До сих пор, словно гимн, вдохновенны,
Обаятельной жарких речей...

Соколовская песнь об Отчизне,
Словно радость, светла, и нежна.
Он не думал о славе при жизни,
А при Боге она не нужна.

Ты – человек! Ты – царь! Ты – непреклонен,
Когда вторгаешься
в природы мирный быт.
Деревья пред тобой дрожат в поклоне,
Всё, что идёт, – перед тобой бежит.

Ты – человек! Ты – царь! Взрываешь горы
И превращаешь степи в водоём.

Застраиваешь долгие просторы,
Асфальтом заливая чернозём.

Ты – человек! Ты – царь! Теперь и космос
Ты превращаешь в вотчину свою...
Но почему косяк острой косишь
Себе подобных в яростном бою?

И почему грабастаешь умело,
Как будто бы на вечность про запас,
Ведь не тобой назначены пределы
И не тобой отмерен смертный час?

Остановись! Подумай! Белым дымом
Корысть исчезнет в призрачной дали...
На деле же, тебе необходимы
Три скудных метра бросовой земли.

В горах Карпатских убедился в том,
Что в этом мире, радостном, но зыбком,
Нельзя достичь того своим мечом,
Что можно сделать шуткой и улыбкой.

Нам говорит поэт, что глупость – тьма,
А мудрость – свет, не знающий предела.
Но нет поэта. Мудрость поглупела.
А глупость набралась ума.

Не смеётесь над бедой земли чужой –
Своя беда уже не за горами.
Сердца иных не отячайте лжой –
Она вернётся теми же путями.

Не унижайте слёзы матерей –
Зальётся сами горькими слезами.
В несчастье кто – спешите поскорей,
И счастье, как дитя, пойдёт за вами.

Не предавайте молодых затей,
Ни друга, ни страны не предавайте.
Что не желаете душе своей,
Чужой душе вовеки не желайте.

Когда ж разлад в сознание просквозит,
И дьявол слух заденет словесами,
Иуда и Пилат, и Вечный Жид
Пусть появятся перед глазами.

И пусть урок их жизни будет впрок
И сможет излечить других пороки...
Хотя не впрок нам праведный урок –
Не любит человечество уроки.

Не смеётесь над бедой земли чужой –
Своя беда уже не за горами.
Сердца иных не отячайте лжой –
Она вернётся теми же путями.

Житейское

Наступает время светлой седины,
Исчезает бремя страсти и войны.

Дети незаметно подняли детей,
Правнуков не бедно в горнице моей.

Жаль, их не минует горькая страда,
Пусть пока воркует голубем беда.

Подзову я внука, прежде чем уйти:
Кормысло вселенной поэзию впусти!

Я земле всё меньше нужен на земле –
Вот через мновенье растворюсь во мгле.

Знай, что живу душу я Богу отдаю –
Сохраняю, мой внучек, родину мою.

Звёздное коромысло

Этот путь через Волгу –
Прямо в соннице звёзд:
Коромысло вселенной
Прорастает, как мост.

И струится неспешно,
Лезалью почти,
Всё, что может по Млечному
Мчаться пути.

И, когда по нему я
Плыву поутру,
Всё мне кажется, что
Никогда не умру.

Я поспешил под прочный кров избы,
Боясь объятий снежного бурана,
Который был деревья и столбы
С недолимой страстью океана.

И наблюдал я сквозь стекла овал,
Как он метался, страшный и белесый
И мощной дланью истово стирал
Грань между небом и лесом.

О, приюты меня, приют!
О, дай мне быть в тебе, обитель!
Пусть пути иных зовут,
Я – обыватель, значит, житель.
Дай насладиться лепотой,
Будто даль позатыкали ватой:
Очам родной, подобной той –
Создателю всего потребной!

Как дивно всё! Как чуден лес!
Цветов прелестны хоровады.
Окните взором круг небес,
Внемлите гласу всей природы:
И птичий звук, и зверя рык –
Всё говорит. Всё отвечает.
Я – зык! Я – говорю: вещает
Творенья Божьего язык.

Метеорит

Пузатой каплей мирозданья
По склону ночи прочертил...
С какой бессмертной на свиданье
Стремился из последних сил?

Когда в горах рассвет меня настиг,
Я счастлив был тогда небеспричинно:
Какое буйство красок в этот миг
Обрушилось на снежные вершины!
А там, где намечался перевал,
Там солнце лик прекрасный поднимало.
Я, видя это чудо, тосковал,
Что это чудо ты не увидала.

Когда летел пустынею тоски,
Которая от зноя бездыханна,
И видел глаз мой золье пески
И редкие сгущенные барханы.
Но вдруг – сайгаков стадо,
Словно вал летел густой, –
И жизнь торжествовала...
Я, радуясь, невольно тосковал,
Что эту радость ты не увидала.

Когда Великий в сумеречный час
На маленький корабль
Обрушил небо,
и мы в такой попали перепляс,
В котором я ещё ни разу не был,
И так хлестал за шквалом

новый шквал,
Что рубку капитана отрывало,
И даже в этот миг я тосковал,
Что бури этой ты не увидала.

Любимая! Одна из новостей,
Что мой восторг снежного бурана,
Неразделенность радости моей –
Опаснее любви неразделенной.
Товарищи по сердцу, по уму,
Мы в этой жизни видели немало...
Быть может, и пишу я потому,
Чтобы ты как можно больше увидала.

У правого полёт высок и прям,
Достоинством и мудростью отмечен.
У правого не тягелое плечам,
Хотя взвалил немало на плечи.

Ему блуждать не нужно в темноте,
В нём честь живёт, нужде не угожда.
Он знает цену резкой прямоте,
Хотя цена за знание большая.

Николай Переяслов

Я погружаюсь глубже в годы...

туда, где в тающем просторе
его незримый берег ждёт...

От белого снега на сердце бело

От белого снега – на сердце бело,
и света в душе – как в берёзовой роще!
Все тёмные мысли пургой замело,
и жизнь стала чище, светлее и проще.

И жизнь стала ясной, как день в январе,
наполненный
снежным спелым сияньем.
Мороз на дворе. Сады в серебре.
Весёлые святки с вином и гуляньем...

Не хочешь на холод – себя не неволь,
сиди замурованным
в жаркой квартире.
Но белая бьёт, словно белая боль,
отыщет тебя в заметленном мире!

Ведь ты не медведь,
чтоб медлительно сны
листья до весны в полутьмной берлоге,
лишь к маю решив из-под корня сосны
восстать,
чтоб размять занемевшие ноги.

Зима для тебя – родовая печать,
твой воздух ментальный,
твоя атмосфера.
Ну, как же тебе снегопад не встречать
с задором ликующего пионера?

Смотри, как зимою земля хороша!
Бежит санный путь
через все расстоянья...
От белого снега – сияет душа.
Попробуй сбережь в себе это сиянье.

Кораблик

Москва-река, кораблик белый
улёгком шустреньким плывёт.
Знать, за штурвалом кто-то смелый
мимо буйков его ведёт –
глядит уверенно вперёд.

Вдоль берегов авто несутся,
дома вздымают этажи.
Вдоль берегов кипит искусство
жить не по лжи в эпоху лжи.
(Хоть и мешают муляжи)

Не замечаю чёрной хмури,
наперекор мирской беде,

как по речичевой глазури,
он по речной плывёт воде,
не зная: ждёт ли отдых где?..

Маршрут – известен только Богу
да капитану катерка.
Плывёт кораблик сквозь эпоху.
Через Москву течёт река.
Её дорога – далека.

Клубятся в воздухе угрозы.
Вокруг – то взрывы, то стрельба.
Сейчас настало время – прозы,
хоть и она, как жизнь, зруба.
(Стихам сегодня – не судьба)

Ни под баян никто не пляшет,
ни струн гитар не терзает.
Даже платочком вслед не машет,
как будто мир вокруг – убит.
Такой вокруг унылый вид.

Как будто мир, что был влюблённый,
давно мертвою жёртвы воем,
и лишь кораблик несмышлёный
сквозь вечность хмурую плывёт.
Упорно движется вперёд.

Над ним – ни капельки лазури,
ни огонька из чёрных дыр,
а он плывёт сквозь наши бури,
и от него – светлеет мир...
Ах, взял бы он нас на буксир!..

Деревья

Деревья дошли до шестого уже этажа,
но тянутся дальше,
взвивая всё выше и выше,
туда, где –
точь-в-точь межземлёю и небом межа –
протянута
хрупкою кромою линия крыши.

Деревья колышут ветвями и тихо поют
балладу о лете,
что так скоротечно промчится,
и хмурая осень с собой принесёт неуют –
груба и неряшлива,
точно в сельпо продавщица.

Но даже её скоро выгонит холод взащей,
и души деревьев
уснут до грядущего лета,
лишь струями света,
что льются с шести этажей,
в своих летаргических снах
виртуально созреть.

Всему в этом мире
вселенским законом дано
прийти, прощупать,
процвети мимолётное время.
О, как это больно:
смотреть, просыпаясь, в окно,
где с каждым рассветом
всё больше стареют деревья!

О, как это сладко:
смотреть, как у окон твоих,
ликуя от счастья,
деревья тихонько качают
зелёною шапкою листьев
на ветках тугих
и так любуя лето, что просто
души в нём не чают...

Эпохи узел груб и не распутан.
Народ живёт, таясь, как в блиндаже.
Но скажет слово тихое Распутин –
и как-то легче станет на душе.

Он – не астролог.
Он не Павел Глоба.
Но скажет слово – и поверю я,
что, как трёхдневный Лазарь,
вновь из гроба
восстанет Русь воскресная моя!

Глядя на облака

Над землёю плывут облака.
Далека их стезя. Нелегка.
То под солнцем плывут, то во мгле,
то дождём шестаят по земле.
То, как птицы, парят на крыле.

Над землёю плывут облака,
будто гонит их чья-то рука.
Оттеняясь густой синевой,
над Смоленском плывут, над Невой.
Над моею любимой Москвой.

Над землёю плывут облака
из неведомого далека.
И глядят с высоты, чуть дыша,
в каждом облаке чья-то душа...
То ли витязя, то ль – малыша.

Так когда-то и я поплыву
в ослепительную синеву,
где сливаются души навек,
будто сотни впадающих рек.
(Так уходит любой человек)

И когда-то, смеясь и звеня,
океан этот примет меня,
дав возможность душе без преград
плыть над миром столетия подряд,
влившись в облачный белый парад.

Ах, как сладко смотреть с высоты
на деревья, поля и цветы,
слышать радостный гул голосов,
видеть буйные грибы лесов!
Не считая минут и часов.

Только нужен ли он, не пойму,
этот сказочный рай – одному?
Коль я в небе тебя не найду –
будет хуже мне там, чем в аду...
Будто птице в облачном саду...

Позови! Я узнаю тебя,
чтобы плыть нам сквозь вечность лобя,
через свет, через бури и мрак,
неразлитными во временах!
Дай мне знак, дай мне знак, дай мне знак.

Нынче день какой-то сероватый –
сквозь него не глянешь напровет.
Будто даль позатыкали ватой:
взянет звук и не проходит свет.

Трудно внять, что там, за пеленою,
небосвод – светлей и голубей...
Где же вы, дружившие со мною
стаи шумных белых голубей?

...Огляжу окрестности с балкона,
и как будто кто напомним тех:
«Так бывает. Чем темней икона –
тем светлее краски в глубине!»

Якутия моя...

По тропу в самолёт взойду,
ввераясь Богу,
пусть мчит меня
сквозь ночь и дальние края –

Чем я тебе воздам
за этот воздух синий,
за песню, что звенит,
как веснянка струя?
За то, что ты была и есть –
сестра России,
Якутия моя?

Свети в моей судьбе
звездою
с небосклона!
Бей в бубен, чтобы зла не убоился я.
Звени в моей душе
строкою Омоллоона,
Якутия моя!

«Земля – нам мать,
а мы – её родные дети!» –
учил нас Суорун,
ключ к жизни не тая.
Ну, так цвети, как сад!
И будь – всегда на свете,
Якутия моя!

туда, где под крылом лежит
светло и строго
Якутия моя.

Я погружаюсь глубже в годы,
всё дальше детство за спиной.
Так человек заходит в воду –
по груди, по плечи, с головой.

Так человек заходит в море
и, пересилив страх, плывёт